

Кимличенко Лана

**Санкт-Петербург, ГБОУ СОШ №337 имени Героя Российской Федерации
Д.В. Долонского, 11 «А» класс**

**Рецензия на спектакль «Преступление и наказание», Большой
драматический театр имени Г.А. Товстоногова, режиссёр — Мотои
Миура**

В настоящее время классика требует новых, неординарных прочтений и постановок. Именно поэтому в 2023 году в Большой драматический театр имени Г.А. Товстоногова был приглашён японский режиссёр Мотои Миура для постановки спектакля по мотивам романа “Преступление и наказание” Ф.М. Достоевского. Необычный взгляд на русскую классику сквозь призму японской культуры вызвал неоднозначные чувства у зрителей и восторг критиков.

“Сны и страдания Родиона Романовича Раскольникова” — написано на афише и в программке спектакля. В аннотации говорится, что все события, происходящие в спектакле являются кошмаром Раскольникова. Из этого можно сделать вывод: режиссёр поставил перед собой задачу показать не психологию и мотивы убийцы, а путь воскресения его души — через страдания, которые Раскольникову приходится испытывать снова и снова.

С первых минут спектакля зритель погружается в атмосферу Петербурга Достоевского: Мотои Миура не отказался от образа грязного, болезненного города “сумасшедших”. Многофункциональная жёлтая стена с лестницами, окнами и дверьми, вся в трещинах, подчёркивает болезненное восприятие мира Раскольниковым. Проходящие мимо него люди в первой мизансцене, постоянно выкрикивающие “Я видел!”, “Хочется знать!” и “Пойдём!” задают ритм всего спектакля. Экспрессивные выкрики не только создают дополнительное напряжение, витающее над Раскольниковым, но и ещё раз подтверждают цитату Достоевского: “Редко где найдётся столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге”.

Резкое, отрывистое “А!” преследует Раскольникова на протяжении всего спектакля — ему кажется, что окружающие люди не просто подозревают его в содеянном, а обвиняют и говорят об этом в открытую. На подобные нападки герой реагирует по-разному: отчаянным “Я знаю!”, спокойным уходом, игнорированием. “А!” Родион (Геннадий Блинов) слышит не только в свой адрес: герои обвиняют и друг друга. В сцене “кражи 100 рублей” Лужин (Иван Федорук) обвиняет Соню (Александра Соловьёва) этим же приёмом. Люди, заражённые бессмысленной злобой, постоянное повторение одного и того же

звука напоминают сумасшествие, бред: то, что видел Раскольников в кошмаре на каторге — именно то, что хотел передать режиссёр в этом спектакле.

Ещё одна выдающаяся особенность режиссёрского почерка Мотои Миуры — неестественность поз, движений и жестов героев (подобное можно увидеть и в других спектаклях — “Три сестры”, “Вишнёвый сад”). Но что означают странные, абсолютно неприменимые в быту позы в истории Раскольникова? Этому можно найти несколько объяснений. В традиционном японском театре Кабуки, для понимания того, что происходит на сцене, актёры намеренно совершают преувеличенные, утрированные действия — возможно, режиссёр решил привнести часть традиционной культуры в свои работы. Однако в нашем театре такой ход напротив может запутать зрителя, привычного к простым, обыденным действиям героев. С другой стороны, постоянное повторение экспрессивных движений, поз и жестов помогает зрителю видеть мир глазами главного героя — такой пугающий и резкий, странный и обвиняющий. Люди вокруг Раскольникова, то и дело твердящие “С ума сошёл!”, сами являются отражением его сумасшествия.

Выделяющийся режиссёрский ход Мотои Миуры оставляет зрителю пищу для размышлений. Может быть, эти позы, лишённые бытового значения, несут в себе более глубокий смысл?

Рассмотрев позы героев в отдельных сценах внимательнее, можно заметить их сходство с японскими иероглифами. Например, в сцене, в которой Раскольников и Соня читают Евангелие, их позы напоминают иероглифы “神”, что означает “Бог”. Однако есть нюанс: Раскольников сидит в позе, противоположной первому иероглифу. Может ли это быть своеобразной метафорой, насмешкой над тем, что безбожник читает Библию?

Иной пример можно встретить в сцене, в которой Раскольников намекает Соне на то, что знает личность убийцы. Родион и Соня стоят на коленях, слева от Родиона (со стороны зрителя), согнувшись, стоит Порфирий Петрович (Сергей Стукалов). Совокупность поз трёх героев напоминает ещё одно слово, состоящее из иероглифов — “殺人”, что означает “Убийство человека”. Позы следователя и убийцы словно составляют из себя первый иероглиф “Убийство”. Соня же, далёкая от такого греха, сложив руки, будто в мольбе — подобна второму иероглифу “Люди”.

Хоть и нельзя с уверенностью утверждать, что режиссёр делал отсылки на слова, поскольку спектакль изначально рассчитан на русскоязычную

аудиторию, и с различных ракурсов позы героев выглядят по-разному, эта теория может показаться интересной.

Недоумение зрителя может вызвать ещё одна характерная особенность спектакля: отсутствие зрительного контакта между актёрами. Практически во всех сценах герои не только не смотрят друг другу в глаза, но даже при диалоге стоят боком. Для чего же этот приём необходим в спектакле? Отвечая на этот вопрос, стоит обратиться к задаче, поставленной режиссёром: показать воскресение души убийцы через страдания в кошмарном сне, где он заново проживает уже произошедшие с ним события. Как известно из психологии Зигмунда Фрейда, сны являются проекцией страхов и чувств людей из реальной жизни. Раскольников чувствует себя потерянным, отдалившимся от людей, поэтому даже во сне не может испытать эмоциональную близость.

Потерянность и сумасшествие Раскольникова подчёркивает ещё одна деталь режиссёрской трактовки произведения: нелинейность повествования. Все события будто перепутаны между собой, наслаиваются друг на друга и вгоняют главного героя в ещё больший ужас. Яркий пример — сцена, в которой Раскольников приходит к Алёне Ивановне (засл. артистка России Татьяна Бедова), чтобы заложить часы. Он спрашивает у старухи-процентщицы, будет ли её сестра завтра (в день убийства) дома. В этот же момент в одном из окон появляется Лизавета Ивановна (Екатерина Куликова) и истошно кричит, отсылая зрителя к моменту, когда старуху нашла мёртвой её сестра. Спутанность событий позволяет понять, как именно Раскольников ощущал происходящее с ним. В романе Достоевского события последовательны, а задача автора — объяснить психологию убийцы и показать путь его исправления. Спектакль же показывает именно эмоциональное состояние героя через призму его восприятия обстоятельств.

Важную роль в спектакле играет декорация — жёлтая стена, в окнах и дверях которой появляются герои. После совершения убийства стена раскалывается и немного отъезжает назад, что символизирует не только раскол души убийцы, но и его отдаление от людей. В конце спектакля, когда Раскольников признаётся в убийстве и одновременно с этим попадает на каторгу (не забываем про нелинейность повествования!), стена отодвигается ещё дальше. На сцене остаются только Родион и Соня. Раскольников просыпается. Кошмар окончен.

“Но он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она — она ведь и жила только одною его жизнью!”